

канарейкой, которая такъ и рвалась, чтобы поспѣсть у меня на пальцѣ.

Представляю себѣ, какъ это было бы пріятно, если бы я стала женой этого бѣднаго человѣка, если бы мнѣ пришлось носить ситцевыя платья и мытвяя перчатки! Какъ пріятно было бы самой причесывать эти прелестные локоны, на которые всѣ обращаютъ вниманіе, и, можетъ быть, даже... самой варить!!! Одна мысль объ этомъ уморительно смѣшна! Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, вы заслужили еще болѣе грубаго отвѣта съ моей стороны.

24-10 Апрѣля.

Отъ Ани и Григорія ежедневно получаются письма, дышація счастьемъ и весельемъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ находитъ въ другомъ все новыя удивительныя качества. О своемъ путешествіи они пишутъ удивительно мало. О Парижѣ, въ которомъ они живутъ безъ малаго недѣлю, они, кажется, знаютъ ровно столько же, сколько и наша молочница. Будь я на ихъ мѣстѣ, я бы уже напала тамъ болѣе интересное, что бы поразсказать; въ Кельнѣ, напримѣръ, Григорій не нашелъ ничего болѣе пріятнаго, чѣмъ облитъ Аню, съ головы до ногъ, о-де-колономъ. А если бы я была въ Кельнѣ, я бы взобралась на колокольню кельнскаго собора; въ Парижѣ я предпочла бы скорѣе выскочить въ окно и побѣжать на бульвары, чѣмъ сидѣть въ